ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИСКУРСОЛОГИЯ

О.Ф.Русакова

Внедрение сравнительно новых приемов исследования в методологический инструментарий определенной области знания нередко приводит к оформлению новой научной дисциплины. Именно такого рода процесс, на наш взгляд, сегодня происходит в зоне политических исследований, где все более активно начинает применяться метод дискурс-анализа.

Сегодня стало привычным оперирование такими понятиями, как «политический дискурс», «дискурс власти», «дискурс либерализма», «националистический дискурс», «парламентский дискурс», «дискурс президента» и т.п. В Росси и за рубежом стремительно разрастается число работ, посвященных истории и теории дискурс-анализа, его применению в различных гуманитарных и социально-политических исследованиях.[1]

В настоящее время уже существует довольно многочисленный круг исследователей, который специализируется на проблемах дискурс-анализа в политических науках. Значительная часть этих специалистов приняла участие в работе следующих конференций: 1) Генеральная конференция Европейского Центра политических исследований (ECPR), состоявшаяся в 2001 г. в г.Кентербери, в рамках которой работала секция «Теория дискурса и политический анализ» (Discourse Theory and Political Analysis), организованная известным специалистом в области политического дискурс-анализа Дэвидом Ховардом; 2) Третий Всероссийский Конгресс политологов, где работала секция «Дискурс-анализ политических процессов» под руководством главного редактора журнала «Полис» Михаила Васильевича Ильина (Москва, 28-29 мая 2003 г.).

В регионах России действуют научные школы, специализирующиеся на проблемах дискурс-анализа в политических и гуманитарных исследованиях. Так, на базе Института философии и права УрО РАН создана научная школа, занимающаяся методологией дискурс-анализа в социально-политических науках, члены которой в 2004 г. подготовили к изданию книгу под названием «Многообразие политического дискурса». В данном коллективном труде рассматриваются как теоретико-методологические проблемы изучения политического дискурса, так и разнообразие его феноменологических форм. Вот некоторые темы публикаций: структура дискурса политической науки, визуальная метафора в социально-политическом дискурсе, символика политического дискурса, дискурс и политическая ментальность, дискурс тоталитаризма, информационная революция как результат взаимодействия дискурсивных практик, социальная деструкция в дискурсе электоральных технологий, дискурсивное искусство в сфере политического маркетинга и др.

В Москве, Санкт-Петербурге, Казани и других городах страны работают специалисты, занимающиеся разработкой теоретико-категориального аппарата политической лингвистики[2], которая является одной из современных отраслей политической науки, чья предметная область входит в качестве составной части в предметную зону политической дискурсологии.

Становление предметной области политической дискурсологии предполагает глубокую проработку ее категориального аппарата и прежде всего – раскрытие категориального содержания понятия «политический дискурс». Для этого требуется дать вразумительный ответ на целый ряд вопросов: Как соотносятся друг с другом дискурс и политический дискурс? Какова структура политического дискурса? Каковы специфические формы и виды политических дискурсов?

Отвечая на первый вопрос, совершим краткий экскурс в историю трактовки термина «дискурс». Одним из первых понятие «дискурс» ввел в обиход бельгийский лингвист Э.Бюиссанс в работе под заголовком «Язык и дискурс», опубликованной в Брюсселе в 1943 г. В бинарную оппозицию язык/речь Бюиссанс ввел третий член – дискурс, под которым подразумевался механизм перевода языка как знаковой системы в живую речь. В целом же в лингвистике вплоть до 70-х гг. прошлого столетия дискурс отождествлялся с текстом, письмом, высказыванием.

В 50-60-х гг., благодаря работам структуралистов, было расширено представление об языке, под которым стали понимать любую знаковую систему. Возникла новая наука – семиотика, в рамках которой появилось представление о дискурсе как структурированной знаковой системе, пронизывающей все сферы культуры. В работах Р.Барта и У.Эко, Ю.Лотмана рассматривается широкий спектр вневербальных социокультурных дискурсов – дискурсы мифа, моды, пищи, изобразительного искусства, архитектуры, кинематографа, телевидения и т.п.

Примерно в эти же годы складывается коммуникативная концепция дискурса. Впервые она была сформулирована Ю.Хабермасом, который под

дискурсом понимал коммуникацию особого рода – диалог, основная цель которого – достижение взаимопонимания. С дискурсом Хабермас также связывал критическое рассмотрение ценностей, норм и правил общественной жизни.

Коммуникативный подход к осмыслению сущности дискурса становится распространенным и в различного рода лингвистиках – когнитивной лингвистике, психолингвистике, социолингвистике и т.п. В современной психолингвистике под дискурсом понимается сложное коммуникативное явление, включающее наряду с текстом внеязыковые факторы, которые влияют на его производство и восприятие (Т.А. ван Дейк, А.Е.Кибрик, В.В.Красных и др.). Под дискурсом понимается коммуникативная ситуация, включающая сознание коммуникантов (партнеров общения) и создающийся в процессе общения текст. Сходное представление о дискурсе существует в современной психологии, которая определяет дискурс как социальную интерактивную деятельность (Д.Эдвардс, Дж.Поттер и др.).[3] Под дискурсом в психолингвистике понимается как процесс речемыслительной деятельности, так и его вербализированные продукты – тексты, обладающие как лингвистическими, так и внелингвистическими планами. Основная функция дискурса – обеспечение коммуникации.

М.Фуко внес в представление о дискурсе новый важный акцент, связанный с выявлением его властной функции. В любом дискурсе, по Фуко, обитает принудительная сила. Предметом исследований Фуко стали разнообразные дискурсивные практики как диспозитивы власти, воли. Дискурсы детерминируют способы атрикуляции волевых импульсов, желаний, придают формы содержанию сознания, мыслей, представлений, переживаний. Эту же мысль можно обнаружить у Р.Барта, который утверждает, что власть гнездится в любом дискурсе.

Сегодня изучение дискурсов предполагает раскрытие их коммуникативных интенций, явных и скрытых смыслов, текстов, контекстов и подтекстов. Отсюда – представление о дискурсе как *сложноструктурированной системе, формирующей смысло-силовое коммуникативное поле, обладающее несколькими планами: 1) план интенциональный, 2) актуальный план или политический перформанс, 3) виртуальный (идеальный план, 4) контекстуальный план.*

Интенциональный план дискурса включает: целедостижительный проект или замысел, предваряющий непосредственную коммуникацию (идея, миссия, стратегия, сценарий, драматургия, установление повестки дня, конструирование имиджа, ситуации общения, информационного повода, мобилизация ресурсов, ожидания, прогнозы и т.п.). Все это содержится в скрытом виде в актуализированном плане дискурса.

Актуальный план дискурса – это процессуальный коммуникативный акт, непосредственная дискурсивная (языковая) практика, во время которой осуществляется видимый и невидимый контакт между участниками коммуникации, декодируются языковые знаки, представленные в самых различных формах (тексты, речи, символы, индексы, звуки, цвет, жесты, позы, дизайн, интерьер и др.).

Актуальный план – это перформанс дискурсивного замысла, его воплощение. Во время перформанса происходит включение следующих властно-энергетических свойств дискурса:

- *вовлечение* целевой аудитории в коммуникацию, овладение ее вниманием,
- *заражение* адресной аудитории определенными идеями и чувствами: внушение, программирование (суггестивный эффект)
- *провокация ответной реакции.*

Например, актуальный план дискурса политической демонстрации предполагает определенное построение колонн, их рекламное офрмление (транспаранты, плакаты, одежда участников с символикой, отражающей основную идею демонстрантов, хоровое скандирование, пение, публичные жесты протеста (к примеру, сожжение символического образа противника) и др.

Актуальный план любого политического дискурса – это своеобразный *спектакль*, для постановки которого нужны свои продюсеры, режиссеры, актеры и зрители. Успех политического спектакля зависит от таланта режиссеров и актеров, а также от способности зрителей испытывать сочувствие к изображаемому действию или *политический саспенс.*

Виртуальный план политического дискурса – это его ментальные пласты. Внутреннюю структуру виртуального плана можно представить в виде когнитивной решетки или ментальные карты действительности. Своими корнями ментальные структуры дискурса уходят в коллективный исторический и социально-психологический опыт, культурные традиции. В самой глубине ментальных пластов – архетипы сознания, мифологемы, опыт и социальная память поколений, «коллективная душа», креативность, пассионарность, иррациональные чувства и образы, волевые импульсы, подсознательные фобии, интуиция.

Воля к власти в ницшеанском ее понимании, властвование как искушение и как страсть, другие эмоциональные составляющие политической коммуникации входят в ментальный план политического дискурса.

Виртуальный план дискурса политической теории или концепции также имеет сложную ментальную структуру, которая, как нам представляется, включает следующие основные компоненты: 1) тип рациональности (классический, неклассический, постнеклассический), 2) мировоззренческая установка (ментальная карта мира), 3) парадигматика идеологических установок (исходные идеи и системы ценностей), 4) языковой код (профессиональная терминология), 5) интеллектуальный багаж, научный и жизненный опыт автора.

С помощью процедур контент-анализа и дискурс-анализа текстовых репрезентаций политических теорий осуществляется реконструкция основных ментальных структур политического дискурса, характерного для того или иного типа политического и научного мышления. К примеру, дискурс-анализ текстов Ф.Ницше и О.Шпенглера акцентирует внимание на таких характерных чертах неклассического типа мышления как: 1) критика трансцендентных форм монизма, 2) отход от установок логоцентризма, 2) переоценка христианской и буржуазно-либеральной систем ценностей с позиции органицизма, 3) приоритет Воли и Чувств над Разумом.

Существует точка зрения, что любой дискурс, включенный в социальную коммуникацию, явля-

ется политическим, поскольку коммуникация есть столкновение или согласование интересов. Наряду с такой расширенной трактовкой политического дискурса существует и другая, принимающая во внимание представление о политике как особой сфере человеческой деятельности, а также учитывающая наличие такой отрасли научных исследований, как политическая наука или политология.

В узком смысле слова политический дискурс можно определить как такое коммуникативное поле, где все его структурные компоненты содержат политические смыслы. Под политическими смыслами нами понимаются:1) политические интенции (все, что связано со стремлением к политической власти); 2)смысловые коды политических практик и жанров (дипломатический прием, предвыборные и парламентские дебаты, встречи с избирателями и доверенными лицами, государственные праздники, митинги протеста, президентские послания, партийные программы, лозунги, политические карикатуры и фельетоны и т.д.).

Проиллюстрируем некоторые процедуры дискурс-анализа на примере декодирования такого политического дискурса, как ежегодные послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 2000-2004 гг. При этом несколько сузим предмет исследования, поставив задачу анализа конституционного дискурса президента, манифестируемого в данных посланиях, т.е. речь пойдет о таком явлении, как «дискурс в дискурсе».

Дискурс-анализ президентских посланий предполагает решение следующих задач: 1) выявление уникального политического предложения (УПП), адресованного различным группам населения; 2) анализ понятийно-категориального аппарата репертуара официальной политической риторики; 3) анализ структуры и комбинаторики сюжетных линий посланий с целью установления приоритетных установок политической повестки дня; 4) выявление драматургических характеристик властного видения процесса разворачивания политических событий; 5) тропологический анализ текста посланий; 6) раскрытие идеологических интенций; 7) анализ стратегии аргументации и др.

Остановимся на последней из названных задач – стратегии аргументации. В силу жанровых особенностей одной из ключевых стратегий аргументации президентского послания является акцентация статуса президента как гаранта Конституции. Выбор конституционных сюжетов очередного послания, как правило, детерминирован следующими основными факторами: официально-нормативным социальным идеалом, отвечающим потребностям исторического момента; характером угроз, которые, по мнению власти, стоят на пути реализации данного идеала; запросами и политическими ожиданиями общественности страны, в ответ на которые формулируются политические задачи, устанавливается политическая повестка дня.

Сравнительный анализ дискурсов президентских посланий 2002, 2003 и 2004 гг. показал усиление демократической риторики, чаще стали произноситься такие слова и выражения, как «права человека», «гражданское общество». Однако данный факт свидетельствует скорее не о демократизации реального политического режима, а о необходимости демократического прикрытия непопулярных в демократических кругах властных решений.

Произошли определенные изменения в комбинаторике и дидактических установках сюжетных линий. В послании 2002 года они группируются по принципу вычленения основных угроз, в послании 2003 г. сюжетные линии выстраиваются в соответствии с задаваемыми стратегическими целями, а в послании 2004 г. доминирует проблемный принцип изложения основных задач.

В посланиях 2003 г. и 2004 г., по сравнению с предыдущими, была значительно расширена адресная аудитория. Наряду с такими традиционными аудиториями, как госслужащие, военные, политики, лидеры политических партий, руководители субъектов Федерации, бюджетники, предприниматели, в число адресатов были включены мигранты без гражданства, студенты, призывники, политтехнологи, лидеры общественных объединений. В послании 2004 г. впервые прозвучала критика в адрес ряда гражданских союзов и институтов, в частности – правозащитных[4].

Самой востребованной адресной аудиторией президентских посланий 2003 и 2004 гг. стали патриотически настроенные граждане и великодержавные государственники. В дискурсе последних посланий идея реставрации России как могущественного и централизованного государства пронизывает почти все сюжетные линии. Великодержавный дискурс при этом монтируется с либерально-демократическим через такие категории, как «модернизация», «конкурентный капитал», «правовое государство», «гражданское общество».

[1] См.: Ильин М.В. Политический дискурс как предмет анализа// Политическая наука. 2002, № 3; Красных В.В. «свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003; Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М., 2003; Массовая культура на рубеже XX-XX1 веков: Человек и его дискурс. Сборник научных трудов. М., 2003, Многообразие политического дискурса; Екатеринбург, 2004; Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М., 2004; Dijk T.A van. 1998 a. What is Political Discourse Anayisis? – Blommaert J., Bulcaen C. (eds.) Political Linguistics. Amsterdam; Torfing. 1999a. New Theories of Discourse, Oxford, Blackwell; Gottweis H. And Wagenaar H. Policy, Discourse and Institutional Reform. Grenoble, 2001; Howarth, D.and Torfing, J. (2003), Discourse Theory in European Politics ,London, Palgrave; Discourse Analysis and Political Science // European Political Science. Autumn. 2002, 2.1 и др.

[2] См.: Ле Э. Лингвистический анализ политического дискурса: язык статей о чеченской войне в американской прессе // Полис, 2001, № 2;Мухарямов Н.М., Мухарямова Л.М. Политическая лингвистика как научная дисциплина // Политические науки. 2002, № 3; Мухарямова Л.М. Политическая лингвистика: становление понятийного аппартата // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки, 2004, № 3; Гаврилова М.В. Политический дискурс как объект лингвистического анализа // Полис, 2004, № 2 и др.

[3] См.: В.В.Красных. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. М., 2001. С. 199-201.

[4] См.: Послание Федеральному Собранию Российской Федерации – Известия, 27 мая 2004 г.